

БИОГРАФИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...



Владимир  
СНЕГИРЕВ

Олжас  
СУЛЕЙМЕНОВ



МОСКВА  
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ  
2020

УДК 821.512.122.0(092)  
ББК 83.3(4Каз)-8.2  
С 53

*СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2005 ГОДУ*

*Автор проекта*  
**ВАЛЕНТИН ЮРКИН**

*Серийное оформление*  
**КОНСТАНТИНА ФАДИНА**

*Автор выражает сердечную благодарность*  
*Шолпан Карагуловой*  
*за помощь в работе над книгой.*

знак информационной  
продукции **16+**

**ISBN 978-5-235-04413-5**

© Снегирев В. Н., 2020  
© Издательство АО «Молодая гвардия»,  
художественное оформление, 2020

## Глава первая

### **«МОЙ ГОРОД ВО ВСЕЛЕННОЙ ЗНАМИТ ТЕМ, ЧТО ДРУГИМ ЕГО НЕ ЗАМЕНИТЬ»\***

*...Здесь я увидел свет одной весной  
в домишке возле крепостного вала  
(точней, на Караванно-Крепостной),  
здесь мать меня в ладонь поцеловала,  
сказала: «Будешь мастером, сынок,  
несовершенства мира обернутся  
на руки эти  
и падут у ног,  
коснешься их и — красотой очнутя».*

О. Сулейменов.

Город мой, бесснежная зима...

Это было совсем недавно. Олжас Омарович приехал в Павлодар и там решил навестить места, связанные с его предками. Местное начальство выделило именитому гостю машину, вдвоем с водителем они направились в степной заповедник и остановились около заснеженного холма. У его подножия был небольшой мазар — традиционное для этих мест культовое сооружение, гробница, где путник, застигнутый непогодой, может и переночевать. Там когда-то был похоронен Пеший Муса — так звали двоюродного деда Олжаса, воина и сочинителя многих народных песен.

Они недолго постояли у мазара, вдруг в абсолютной зимней тишине водитель тронул Сулейменова локтем и показал взглядом куда-то вверх. Олжас поднял голову: слева на вершину холма всплывали силуэты трех архаров. Они поднимались так спокойно и величаво, словно поблизости никого не было — ни людей, ни машин, словно это был их и только их мир.

Три архара в сумерках короткого зимнего дня. Поднявшись, они встали на определенном расстоянии друг от друга, как бы специально образуя необыкновенной красоты картину.

---

\* Здесь и далее названия глав — строки из произведений О. Сулейменова. — *Прим. авт.*

Белый снег. Степь. Мазар. Тишина. И три архара на фоне зимнего заката.

— Я такого не видел никогда, — рассказывал мне Олжас Омарович. — Архары — животные пугливые, очень импульсивные, их можно было наблюдать срывающимися с места, мчащимися во весь опор, но вот чтобы так, совсем рядом, и чтобы они стояли словно изваяния — зрелище было совершенно необыкновенным. Они предстали перед нами как духи великих предков. Постояли, повернулись и так же медленно отправились вниз, за холм.

Поэт с волнением вспоминал тот зимний день в степи под Павлодаром:

— Возможно, такое мирное поведение архаров объяснялось тем, что дело происходило в заповеднике, где их никто не тревожит, не обижает. Они с детства привыкли чувствовать себя в безопасности. Может быть. Но после этого настроение у меня стало особым, каким-то, что ли, одухотворенным. Духи предков явили себя, поздоровались со мной.

— Отчего же нового стихотворения после этого не появилось? — я не упустил случая слегка поддразнить классика.

— Было очень трудно передать на бумаге те ощущения, которые я пережил в тот момент. И потом любое стихотворение почти всегда имеет элемент вымысла или домысла. А тут — реальная живая метафора.

И вправду, красивый и выразительный образ — три архара на холме рядом с фамильным склепом. Тут любой человек замрет в почтительном восхищении. А уж художник, поэт — тем более.

Поведав мне эту нехитрую историю, Олжас Омарович надолго задумался, глядя в окно, где текла жизнь старого европейского города. Такси, туристы, праздная толпа...

А может быть, он смотрел на прожитую жизнь?

\* \* \*

В своих стихах, статьях, интервью Сулейменов часто вспоминал и вспоминает о предках — дальних, близких, всяких. Причем всегда с глубочайшим уважением. Ясно, что все мы рано или поздно осознаем потребность знать свои корни, это — очевидный признак мыслящего существа. Но у героя этой книги отношение к прошлому и, в частности, к своему генеалогическому древу, кажется, всегда было обостренным. Он словно бы с юных лет задался целью понять, отчего судьба выбрала именно его, назначив в знаменитые

поэты, дав шанс проявить себя ярким публицистом, ученым, философом, а затем — политиком и дипломатом.

Так давайте же и мы вслед за Олжасом Омаровичем попробуем разобраться в этом.

Сам он неоднократно, даже правильнее сказать — множество раз, как заклинание, повторял семейное предание, согласно которому его предок Олжабай-батыр почти три века назад будто бы предрек: «Человек из моего седьмого колена будет Знающим». Якобы степь испытывала тогда особую нужду в знании, которого и сейчас-то не хватает, а тогда — и подавно. Потому и сказал Олжабай-батыр: «Не ханом, не воином будет мой потомок в седьмом поколении, а Знающим». Иными словами — ученым, поэтом, мыслителем, кем и стал Олжас Сулейменов.

Сам этот дальний предок Олжабай, судя по рассказам его потомка, руководил в XVIII веке казахским ополчением, которое нанесло поражение захватчикам-джунгарам в местности, именуемой «Калмак кырылган» («истребление джунгар»). Когда вслед за джунгарами на северо-восточные земли Казахского ханства стали посягать китайцы, то батыр отбил и их нападение. Казахи называли китайцев «шуршут», и место того памятного боя навсегда получило имя «Шуршут кырылган».

Опять-таки, согласно преданиям, Олжабай дружил с ханом Аблаем, которого однажды джунгары захватили в плен и увезли в Китай. Батыр со своей конницей отправился следом за похитителями, настиг их и освободил Аблайхана. После чего побежденный предводитель джунгар Галдан-Цэрэн в знак примирения отдал полководцу в жены свою дочь от брака с китайской царевной. Она стала четвертой женой Олжабай-батыра. Кто знает, возможно, Олжас и есть прямой потомок того брачного союза...

Поскольку легенда у родственников по отцовской линии передавалась из поколения в поколение, то красный кавалерист Омар Сулейменов своего первенца назвал Олжар, думая, что этому парню и выпадет быть Знающим. Однако Олжар умер от воспаления легких еще младенцем.

Следующим 18 мая 1936 года родился Олжас.

Мама его Фатима тоже верила в Олжабая и с младенческих лет повторяла: «Выполнишь его завет — значит, будешь счастливым».

Отец был офицером Казахского кавалерийского полка, который стоял в крепости на окраине Алма-Аты. Эту крепость, кстати, много раз упоминает в своем скучном романе

«Мятеж» Дмитрий Фурманов, именно там и разворачивались основные события бунта одних красноармейцев против других.

Но, впрочем, какая крепость? Так, несколько приземистых барачков на вершине невысокого холма, обнесенных валом и глиняной стеной.

Собственно говоря, это почти все, что известно об отце. 10 мая того же 1936 года Омару Сулейменову предписали срочно убыть в Ташкент, где располагался штаб Туркестанского военного округа. Он обратился к командованию, попросил отсрочку до рождения ребенка и получил разрешение. Спустя десять дней, убедившись в появлении на свет сына и наградив его именем Олжас, кавалерист согласно полученному приказу отправился в Ташкент. С тех пор никто его больше не видел. Когда мама Фатима в сопровождении своего отца Насыржана через два месяца отважилась поехать в узбекскую столицу на розыски, то ей в штабе Туркестанского округа сказали, что ее муж там не появлялся и о его судьбе никто ничего не знает. Вернувшись, они пытались навести справки в кавалерийском полку. Но и полка к тому времени уже не было: почти всех офицеров отправили в тюрьму или расстреляли, рядовых распустили по аулам, казармы стояли с окнами нараспашку.

По мнению Олжаса, так Сталин готовился к следующему, 1937 году, к началу Большого террора. Поскольку национальные воинские формирования могли помешать его планам истребления местных кадров, их заранее было решено разогнать. Именно в 1936-м на территории СССР были расформированы все воинские части, созданные по национальному признаку. Причем, как тогда было заведено, не просто расформированы, а с обязательным истреблением командного состава. Офицеров сажали и расстреливали, не утруждая себя судами и приговорами, поэтому в архивах нет никаких следов. Олжас обращался с запросами и в КГБ, и в «Мемориал» — бесполезно. Правда, однажды, много позже, Лев Гумилев обмолвился при встрече с ним, что, будучи эком, встречал где-то в лагерях сидельца, который назвался Омаром Сулейменовым. Но встреча была мимолетной, никаких подробностей Гумилев не сообщил.

Всего 33 года прожил на свете Омар Сулейменов. Даже ни одной фотографии его не сохранилось.

У другого классика многонациональной советской литературы, жившего в соседней Киргизии Чингиза Айтматова, с отцом случилась точно такая же беда. Правда, Торе-

кула Айтматова ликвидировали «цивилизованно», обвинив в буржуазном национализме и осудив на десять лет «без права переписки» — лукавая формула сталинских палачей, означавшая на деле смертный приговор. Айтматова-старшего расстреляли, а Чингиз был обречен долгие годы жить с клеймом «сына врага народа».

Именно внесудебная расправа над Омаром Сулейменовым в какой-то степени избавила Олжаса от такого клейма. Раз суда не было, то и приговора не было, и, значит, будущий поэт мог смело писать в анкетах про отца: «Пропал без вести». Что автоматически избавляло его от многих возможных неприятностей.

Существует и еще одна версия, связанная с таинственным исчезновением Омара. В те годы офицеров из Казахстана часто направляли в Китай для выполнения «специальных заданий» — а именно советизации Восточного Туркестана, где проживало много казахов. Но по возвращении их тоже ждали лагерь или ликвидация: сталинский режим умел хранить свои тайны.

Родом отец был из Баян-аула, это знаковое место на севере Казахстана, в Павлодарской области, откуда вышло много знаменитых людей. Знатный и, значит, небедный род. Неизвестно, чем они тогда занимались (скотоводство, торговлей?), но в родных краях репутация у Сулейменовых была достойная.

Мама Фатима родилась далеко от тех мест, в Верном — так до 1921 года называлась Алма-Ата. А ее дедушка и прадедушка жили в небольшом поселении Алматы, на месте которого впоследствии и возникла военная крепость Верный. Тогда этот район населяли в основном русскоязычные, казахских семей было немного. Кстати, одной из них, главу которой звали Медеубай, принадлежало урочище, где сейчас находится знаменитый на весь мир высокогорный каток Медео. А неподалеку находилось другое ущелье, которым владел Бедельбай. Фатима как раз из этого рода, она — Бедельбаева. Ее семья благополучно пережила революцию и Гражданскую войну, а когда в начале 1930-х начался голод, то ее дедушка (получается — прадед Олжаса) бесплатно кормил всех несчастных, дошедших до города. В итоге его доброта обернулась трагедией: голодные, которых дед накормил и пустил переночевать, убили его и забрали все съестное, что было в доме.

Родители Фатимы жили рядом — на той же Крепостной улице, через дорогу от казарм, где дислоцировался кавал-



лерийский полк. Насыржан и Залиха кроме дочери имели еще четырех сыновей, соблюдая традицию — когда родился сын, Насыржан сажал рядом с домом тополь. Целая аллея из тополей получилась.

Трое из четырех сыновей с началом войны отправятся на фронт. Один погибнет на полях сражений, двое вернутся: Фазыл с погонами майора, Артык — капитаном. Только младшему не довелось повоевать — Турсун в начале 1940-х был еще подростком.

Олжас провел в доме на Крепостной несколько лет и всегда вспоминал об этом с любовью. Он считает, что в детстве был абсолютно счастливым человеком. Заботливая добрая бабушка. Дедушка — с виду суровый, но очень правильный, справедливый. Его младший сын Турсун стал для Олжаса старшим братом. Турсун, как сейчас говорят, был авторитетом среди местной шпаны, что и младшего «брата» не раз спасало от неизбежных уличных неприятностей.

Пацаны во время войны зарабатывали тем, что продавали жаждающим питьевую воду. Набирали ее в колонке и шли с ведром на базар. Возвращался Олжас как-то с базара домой, в одной руке пустое ведро, в кулачке заработанная мелочь, вдруг слышит шум, гвалт. Оглянулся и видит: бежит друг Турсуна, его ровесник по имени Джамбул, такой же сорвиголова, а за ним гонится толпа. Пробегая мимо, Джамбул бросил что-то в его ведро и припустил дальше. Дома Олжас достал из ведра мешочек, но открыть его не решился, ждал Турсуна. Когда тот пришел, мальчишка отдал ему мешочек — а там, оказывается, был сахарин. Турсун сразу отсыпал в пиалушку. «Твоя доля». А это редкость была тогда — сахарин. Несколько его крупинок в стакан, и чай сладкий. «Заработал», — одобрительно сказал Олжасу Джамбул, когда Турсун вернул ему мешочек. После чего они целый год пили сладкий чай.

Олжас вспоминает:

«Наш дом стоял возле дороги, по которой зимой грузовики возили свеклу на близлежащий сахарный завод. На подъеме машины шли медленно, с натугой. И вот здесь Турсун забрасывал меня, шестилетнего, в кузов, а оттуда я бросал свеклу на дорогу. Когда подъем заканчивался и машина снова начинала набирать скорость, я спускался на руки Турсуну и мы шли собирать добытую свеклу. Так и жили. Свекла вполне заменяла нам деликатесы или, как сейчас говорят, десерт.

Иногда Турсун с Джамбулом надолго куда-то исчезали. Как я понял, они садились в товарные поезда и отправлялись в “командировки”. Порой возвращались с добычей, порой с пустыми руками. Вернувшись из таких поездок, Турсун обычно хоронился на чердаке, он очень боялся своего отца, моего деда, тот был набожным и строгим, спуску ему не давал. Однажды я проговорился: “Турсун здесь, дома, вы не волнуйтесь”. Дед его с чердака согнал и сильно поколотил бабушкиной скалкой. Дядя затаил на меня обиду.

Мы тогда, как все в таком возрасте, играли в войну. Я нашел металлический обруч от бочки и попросил Турсуна сделать из нее саблю. Он развел костер, стал греть на нем обруч, потом на камне отбивать его. А я бегаю вокруг, жду свою саблю. Потом прямо из огня вынимает и сует железяку мне: вот держи, готова твоя сабля. Я хватаю эту раскаленную железяку и, конечно, сразу раздражаюсь диким воплем. Дед выскакивает со своей скалкой: что случилось? Я ору. Турсун рядом стоит, бледный. И в этот момент я совершил поступок: “Я взял эту саблю!.. Она горячая!..” Дед решил, что Турсун здесь ни при чем, ничего не сказал, принялся дуть на мой ожог.

С тех пор мы с Турсуном стали еще ближе. Раньше он любил меня по-родственному, а теперь зауважал повзрослому. Вот так и росли — в природных условиях. Улица воспитывала. Особых жестокостей там не было. Была скорее принятая в пацанячьих общинах вечная война за территории: свой-чужой. На нашей улице стояла хлебная лавка, куда со всей округи мальчишки приходили с карточками за пайкой. В шесть утра лавка открывалась, и каждый пробивался внутрь, рассчитывая на свои локти и ловкость. Нам полагались буханка хлеба и довесок. Вот этот довесок доставался мне сверх положенных трехсот граммов. А на соседней, на “их” улице была водопроводная колонка, где уже мы брали воду, ступая с ведрами на “чужую” территорию. Напряжение, конечно, существовало, но этот антагонизм, как я сейчас понимаю, и развивал нас всех, держал в форме, делал из мальчишек мужчин.

И вырабатывался свой кодекс чести. Нельзя доносить. Нельзя не помочь тому, кто нуждается в помощи. Эта уличная “школа” дополняла то, чему учили в школе настоящей, чему учили родители дома».

В первый класс Олжас пошел в самый разгар войны. Школа находилась неподалеку, возле кинотеатра «Ударник». Сейчас нет ни этого кинотеатра, ни старой крепости, да и улица Крепостная теперь носит имя Станиславского, хотя по-прежнему застроена в основном малоэтажными домами.

В школу бежал с охотой — еще и потому, что на большой перемене ученикам давали суп из сорго и булку — невиданная роскошь для военного времени. Черный хлеб жители города получали по карточкам. Ему, мальчишке шести-семи лет, дома доверяли эти бесценные хлебные карточки — на маму, бабушку с дедушкой, на тетю. И Олжас не помнил случая, чтобы кто-то эти карточки или хлеб отнял по дороге, хотя район был, мягко говоря, криминальный.

И тут — внимание! — будущего классика советской и казахской литературы ждало серьезное испытание. По итогам первого года обучения маленького Олжаса собирались оставить на второй год. Он хуже всех в классе... читал. Учительница, провожая детей на летние каникулы, строго сказала маме Фатиме: «А для вашего мальчишка каникул не будет. Вот вручаю вам книгу, и в конце августа я должна убедиться, что Олжас способен прочесть любой из напечатанных здесь рассказов. Только тогда переведу его во второй класс».

Книга называлась «Рассказы о Ленине». Автор — Михаил Зощенко. Там были короткие назидательные истории: как маленький Володя Ульянов разбил графин и потом долго мучился — признаться в содеянном или скрыть, как он учился, как бросил курить, как перехитрил жандармов и как проявил гуманность на охоте, не став стрелять в лисицу.

Вот так: у всех его сверстников начались беззаботные каникулы, а Олжас корпел над книгой. Мама освободила его от многих домашних дел и даже от полива огорода: только читай. Книга была большая, с картинками, буквы крупные.

Впоследствии Олжас вспоминал, что никакая другая наука не давалась ему так тяжело. С трудом он обретал умение складывать буквы в слова, а слова в осмысленные предложения. Сверстники с утра мчались на Козинок (большой пруд в парке), а он должен был сидеть рядом с матерью, осиливая очередной рассказ из книги, и потом его пересказывать. И только к концу лета мама вздохнула с облегчением: у него стало получаться. В следующий класс Олжаса перевели. Но вместе с этим успехом Фатима получила другую головную боль: сын полюбил чтение так сильно, что ей теперь пришлось бороться с этой его неожиданной стра-

стью. Детской литературы в те времена издавалось мало, и он читал все напечатанное, что попадало в руки — от собрания сочинений Льва Толстого (двенадцать тяжелых томов) до «Капитала» Маркса. Олжас читал везде: в школе на уроках, по дороге домой, ночью под одеялом, подсвечивая фонариком, пока не иссякнет батарейка.

Помнишь первые сказки мои,  
беспокойная мать?  
...Так случилось — остался на осень  
проклятый мальчишка!  
Тебе в школе сказали:  
«Заставьте ребенка читать».  
Помнишь, ты принесла  
мою самую первую книжку.  
Началось.  
Ты часами сидела на стуле в дверях,  
на коленях шитье  
и хорошая длинная скалка,  
я пытаюсь читать.  
Все друзья в пионерлагерях,  
лезут в горные реки,  
карабкаются на скалы...  
Сказки, сказки.  
Три дня моя мама сидела в дверях,  
успевая обшить, покормить,  
убаюкать сестренку,  
я читал по складам  
про джигитов на быстрых конях  
нараспев, а потом и крича —  
голос сказок был звонок.  
...Через год под подушкой  
я прятал трофейный фонарь  
и, ложась, с головой укрывался  
густым одеялом,  
я читал все, что было в шкафу —  
и стихи, и словарь,  
а однажды мамаша  
поймала меня с «Капиталом».  
В море книг я барахтался,  
мама кричала: «Ой-бай,  
разве можно так много!»  
Глаза ведь дороже, чем книжка!»  
Моя добрая мама, родная моя,  
вспоминай —  
прозревал, прозревал  
твой послушный,  
упрямый мальчишка.

Уже став студентом Литинститута, он прислал маме почтовую открытку на 8 Марта: «Бывают сыновья пьющие, бывают курящие, бывают любящие. Я не пьющий и не курящий... Из всей своей младости я помню только один момент: как Вы подарили мне первую книгу и, применяя самые суровые меры, заставили прочесть до конца. С тех пор прошло 15 лет, я прочел тысячи книг, но ту, первую (“Рассказы о Ленине”), никогда не забываю. Может быть, настанет тот день, когда уже я подарю Вам свою книгу.

Маме от сына. 8 марта — 58 г Олжас».

До его первой книги оставалось три года.

Рассказывает сводная сестра Олжаса Шолпан Карагулова:

«С детства мы были окружены литературой, поначалу детской, полюбившейся и запомнившейся на всю жизнь (вспомнить хотя бы добрые книги “Круглый год”), а потом — настоящей, большой и многотомной. Разрасталась семья, вместе с ней разрасталась наша библиотека: у каждого были свои любимые книжки. Читать любили с детства, особенно перед сном, но удовольствие прекращалось, когда мама говорила “Болды, жетер”<sup>\*</sup> и гасила свет (а он был общий на всех). Но полная темнота сохранялась недолго: через некоторое время одеяло на кровати Олжаса освещалось изнутри, и этот его ночной “фонарь читателя” был для меня предметом зависти.

Потом, много позже, было очень забавно и интересно узнавать в стихах Олжаса разные полузабытые детали из детства, вообще из того прошедшего времени: и фонарь под одеялом, и ковер, который надо было еженедельно выколачивать палкой во дворе, радиолу “Урал”, названия улиц, где мы жили... Угадывались семейные подробности, какие-то вполне понятные мне домашние смыслы, фразы. Это, конечно, “Сказки, сказки” — об уроках чтения, “Возвращение” — о бабушке Залихе, “Загнали кондуктора под потолок” — о случае в автобусе, многие другие отдельные строчки...

Помогал делать уроки, объяснял решения задач. Как-то раз стал проверять мой школьный дневник, а там надо было расписаться в графе “Подпись родителей”, так он

---

<sup>\*</sup> Всё, хватит (каз.).

взял и расписался: “Мама, Папа”. Я расстроилась: теперь маму вызовут в школу. Но он успокоил: “Ничего не будет, ведь это правильная подпись”. Действительно, учительница поставила лишь вопрос красным карандашом и всё».

«Маленький, зеленый, наполненный ароматом яблок летний город, — так вспоминал наш герой об Алма-Ате своего детства. — У меня ощущение, что в детстве и юности всегда было лето». И еще одно воспоминание о той поре: «Для меня обязательно на окраине города должны быть горы со снежными вершинами. Я к этой картинке привык с юных лет, и эта привычка не растает со мной, с моим восприятием большого города».

Конечно же, этот город — один из самых красивых на пространстве бывшего Союза. Зеленый оазис на фоне заснеженных гор. У него какая-то совершенно необыкновенная аура, видимо, это связано и с цветущими садами, и с наличием горных вершин, и с разумной планировкой улиц.

В Алма-Ате душа отдыхает.

Как Нью-Йорк называют Большим Яблоком, так и Алма-Ата всегда была связана с этими плодами. Местный апорт прославился на весь мир: самые высокие призы на международных садоводческих выставках, самый желанный сувенир из казахстанской столицы. Говорят, что появился этот чудо-плод в результате скрещивания местных горных яблочек — мелких и малосъедобных — с воронежским апортом, что произошло в XIX веке. Причем растет и вызревает алма-атинский апорт якобы лишь на высоте триста метров над уровнем моря — не выше и не ниже.

Когда другой большой писатель Юрий Домбровский в начале 1930-х годов впервые оказался в этих краях, то и его поразила необыкновенная гармония предгорий Заилийского Алатау. В первой книге своего знаменитого романа «Факультет ненужных вещей» он посвящает несколько страниц описанию удививших его прелестей Алма-Аты — фруктовых садов, цветочных клумб, рощиц белых акаций и тополей, которые отчего-то более всего поразили писателя:

«Потом я узнал — они и есть в городе самое главное. Без них ни рассказать об Алма-Ате, ни подумать о ней невозможно. Они присутствовали при рождении города. Еще ни улиц, ни домов не было, а они уже были.

Весь город дом за домом, квартал за кварталом, обсажен тополями. Нет такого окна в городе, высунувшись из которого ты не увидел бы прямо перед собой белый блестящий или черный морщинистый ствол. <...>

А над тополями уже горы.

Отроги Тянь-Шаньского хребта. <...>

Нигде в мире, сказал мне один зоолог, дикая природа не подходит так близко к большому городу, как в Алма-Ате».

О том же говорит поэт Бахытжан Канапьянов:

«Широкие проспекты и узкие улочки этого города утопали в густой зелени. Майя Плисецкая однажды, побывав у подножия гор, заметила, что здесь дома отдыхают в тени деревьев. К сожалению, сейчас деревья ютятся в тени небоскребов этого южного мегаполиса. А было время, когда город жил в гармонии с горами, красками Рериха чередовались цвета ландшафта: от розовых лепестков урюка до фиолетовой синевы вершин, где остывающий пламень заката скользил по ледникам. Пирамидальные тополя четким строем вставали вдоль арыков, струящийся говор которых вливался в разноголосицу интернациональной улицы».

В какой-то степени закономерно, что именно в такой атмосфере, которая характеризует Алма-Ату военных и первых послевоенных лет, прошли детские годы поэта.

В 1942 году Фатима Насыржановна Бедельбаева, потеряв надежду дождаться Омара, вышла замуж во второй раз — за журналиста Абдуали Карагулова. Родились дети: четыре дочери и сын. Олжас, как старший в семье, помогал маме: менял малышам пеленки, водил их в детский сад, проверял домашние задания.

В восемь лет его накрыла первая любовь, нет, не любовь, конечно, а скорее томление, неведомое прежде чувство влечения к взрослой женщине — квартирантке, снимавшей угол в доме деда. А к ней приехал с фронта то ли муж, то ли любимый — мальчишка застал их за поцелуем. Бросил камень в окно. Она выбежала: ты? Он, глотая слезы, грубо послал ее, как это делали взрослые. Она все поняла, оттолкнула своего фронтовика, сказала ему: «Это деда Насыра внук». И прижала мальчишку к распахнутой мягкой груди...

Да, мне было, наверное, восемь лет.  
Детство, лето, далекий тыл,  
домик, грохот и скрип пароконных телег,  
зной, сады, погруженные в пыль.  
И веселая женщина в нашем дворе,  
квартирантка,  
так звал ее дед.  
Мои щеки с утра начинали гореть.  
Нет, мне было все восемь лет.  
Я смеялся, когда улыбалась она,  
я болтал: еще не было слов,  
и, когда у ручья умывалась она,  
я мальчишек гонял из кустов.  
<...>  
Я рванулся,  
Забрался на крышу и лег  
На потертый дедов ковер,  
как мне вырасти за ночь!..  
Стать сильным!..  
Я б смог  
отплатить за ее позор.

Отчим (хотя Олжас почти с самого начала стал относиться к нему, как к родному отцу) быстро стал заметной фигурой в СМИ, возглавлял областные и республиканские газеты, работал в ЦК компартии Казахстана. Когда его назначили редактором областной газеты в Караганде, то и вся семья тронулась туда, но ненадолго. В 1944-м вернулись обратно в Алма-Ату. Ехали в вагоне-теплушке. Еду готовили на костре, когда поезд вдруг останавливался в чистом поле.

Однажды, когда отец разводил костер, чтобы приготовить манную кашу для годовалой Шолпан, поезд, не дав гудка, тронулся и стал набирать ход. Абдуали схватил голыми руками прямо с огня горячую кастрюлю и бросился следом. Фатима ему закричала: «Брось ты эту кастрюлю!», но он не бросил, догнал, передал варево маме и успел на ходу взобраться в теплушку. Олжас вспоминал, что с тех пор он сильно зауважал человека, ставшего ему отцом. До Алма-Аты они добирались несколько суток, и все эти дни Абдуали ходил с перевязанными руками: таким сильным оказался ожог. Но кашу он продолжал готовить на степных кострах. Олжас собирал для него сухие ветки. А с машинистом паровоза отец жестко поговорил, и тот с тех пор перед отправкой всегда давал предупредительные гудки.



Раушан, еще одна сводная сестра Олжаса, вспоминая отца, называет его «аристократом духа» и поясняет: он всю жизнь был предан одной женщине и вместе они сумели достойно воспитать четверых дочерей и двух сыновей, Абдуали всегда отличался абсолютной честностью, был ответственным и принципиальным человеком.

О том же Олжас:

«Отец был очень скуп на похвалы. И я никогда не слышал, чтобы он кого-нибудь хулил. И нас такими воспитал. Наш дом никогда никому не был должен: обходились тем малым, что имели. И никому в помощи наш дом не отказывал. Ни большого национализма, ни малого (жузовского) в доме не было. Я узнал, что казахи делятся на три жуза, только придя на работу в Союз писателей. Спросил у отца, к какому жузу я отношусь. Он ответил: “Фатима — из Большого жуза, Омар — из Среднего, я — из Младшего. Значит, ты сын всех трех жузов, настоящий казах”. И с тех пор, когда меня спрашивали, из какого я жуза, у меня был ответ — из жуза “казах”».

Никто из детей не помнит, чтобы родители хоть когда-то подняли на них руку. Если воспитание и происходило, то заключалось оно в том, что Фатима и Абдуали всегда вели себя безупречно — и по отношению к друг другу, и по отношению к детям. Это важный урок и еще одна возможность понять все будущие победы Олжаса. А в ответ родители получили от своих детей столько любви и уважения, что это поддерживало их до глубокой старости.

В книге, посвященной 100-летию со дня рождения Абдуали Карагулова, Олжас приводит такой эпизод. Его младший брат Серик в конце 1990-х попал в тяжелую автострафу, после чего ему грозила полная недвижимость. Отец к тому времени уже ушел из жизни, а маму на семейном совете решили побереечь, не сообщили ей о несчастье. Серика спасали всеми возможными способами. Он перенес несколько серьезных операций, прошел многомесячные процедуры реабилитации. Инвалидом, увы, остался, но зато мог сидеть в кресле, работать с компьютером, говорить по телефону. Олжас попросил Серика быть его заместителем в антиядерном движении «Невада-Семипалатинск» и тот достойно много лет тянул эту лямку. Маме сказали, что Серик уехал в ответственную командировку за границу. Много лет Фатима говорила с ним по телефону, будучи уверенной, что сын где-то далеко в Европе, а он был рядом, в одном горо-

де, только прикованным к инвалидному креслу. Так и ушла мать из жизни, не узнав о несчастье.

Все дети в этой семье росли в атмосфере любви, доверия, уважения к знанию и чести. Они видели, что отец почти круглые сутки в работе: подписные полосы из редакции привозили к полуночи. Редактор должен был вслед за корректорами вычитывать каждое слово и только тогда ставил свою резолюцию: «В печать!» Уже став пенсионером, Абдуали однажды смущенно похвалился: за все годы работы в газетах, которыми он руководил, не прошла ни одна опечатка. Авторитет печатного слова в доме был высок: газеты и книги, небольшая, но постоянно пополнявшаяся библиотека.

Скорее всего, именно отчим, его отношение к делу, преданность профессии сыграли не последнюю роль в том, что Олжас впоследствии вступит на стезю литератора. «Я видел его всегда за столом с пером в руке. Это и меня привело к бумаге». Он уже в школе начал сочинять романы, писал заметки в пионерскую стенгазету.

Шолпан вспоминает, что их воспитывали в довольно строгих советских правилах, но дети не чувствовали того страха, в котором продолжала жить сталинская страна. Зато, как она впоследствии поняла, родители находились под постоянным давлением этого страха. Отец, будучи редактором и партийным работником, хорошо сознавал те границы, за которыми — донос, арест, гибель.

Сестра Олжаса рассказывает, как однажды к ним пришел папин земляк, который поразил ее своим грустным лицом. Потом, много позже, она узнала, что этот человек вернулся из долгого заключения и она как раз застала момент, когда ночной гость рассказывал отцу свою трагическую историю. «Они долго сидели за плотно закрытой дверью и оттуда доносились странные воюющие звуки». Затем приходил еще один человек, чем-то похожий на первого. Когда Шолпан поинтересовалась у родителей, кто он, ей ответили: детям этого знать не положено. Когда в самом начале 1950-х она захотела узнать что-то о Сталине, какие-то бытовые подробности из жизни вождя, родители не на шутку испугались. «До сих пор помню ужас в их глазах, их недовольство моими вопросами и жесткость внушения».

Конечно, родители боялись затрагивать эту тему. Тогда непременно начались бы вопросы о судьбе Омара Сулейменова, а это грозило бедой для всей семьи. Олжас узнал об отце, когда был уже старшеклассником, а после извест-

ного хрущевского доклада стал сам интересоваться подробностями. Мама долго оставалась Сулейменовой, поэтому сестер не удивляло, что у Олжаса не такая фамилия, как у них — просто он записан на мамину фамилию, этого объяснения было достаточно.

Еще Шолпан говорит, что основным маминым помощником по дому был, конечно, ее старший брат. Отец с раннего утра до глубокой ночи пропадал на работе, потому Олжас — так вышло — стал для детей и нянькой, и воспитателем. «Между делами успевал поиграть с нами, почитать, приносил нам что-нибудь новое, интересное: то игры, то книжки, то пластинки на патефон. Вдруг аквариум купил, а потом рыбок красивых привозил из своих поездок».

Другая сестра поэта, Жибек Карагулова, убеждена в том, что многое в характере Олжаса идет от мамы. В том числе и «философия доброго человека». Фатима говорила: «Если бьют камнем — ответь угощением». Мама учила этому, не зная, что Зигмунд Фрейд сказал: «Цивилизация зародилась тогда, когда рассерженный человек бросил слово вместо камня».

Жибек вспоминает о том, что в их доме всегда жила песня:

«Четко помню картинку: Олжас, ему лет 17—18, принес в дом сказочно красивое чудо — огромный, как мне тогда казалось, советский ламповый радиоприемник “Урал-53” молочно-шоколадного цвета. Долго его настраивал, а мы, дети, крутились рядом в ожидании чуда. С тех пор в доме постоянно звучали с патефонных пластинок голоса Клавдии Шульженко, Леонида Утесова, Энрико Карузо, Марио Ланца. Много позже появились песни Булата Окуджавы, которые теперь всегда со мной. Его “Грузинская песня” одна из любимейших: “И когда заклубится закат, по углам заметая, / пусть опять и опять проплывут предо мной наяву / Синий буйвол, и белый орел, и форель золотая, / А иначе зачем на земле этой вечной живу?” Всякий раз, когда звучит эта мелодия, предо мной проплывают картинки нашего прекрасного майского Тургеньского ущелья, в котором проходила красивая символическая церемония во имя гармонии воздуха, воды и земли: Олжас выпускает на волю двух молочно-золотых соколов и двух серебристых рыбок-форелей, радостно нырнувших в прохладу горной речки. А потом — двоих волчат, которые, впервые вдохнув горный воздух, робко двинулись в неизвестную для них свободу и скрылись за пригорком».

Шолпан Карагулова говорит:

«Вообще у Олжаса красивый голос, он часто пел дома, много песен помню благодаря этому. Иногда вместе с нашей младшей сестрой Гайни они устраивали концерты: Олжас пел, стоя у открытого окна (наш дом стоял на улице Коммунистической, квартира была на втором этаже), а Гайни аккомпанировала на пианино. Люди останавливались, слушали. Теперь, когда прошу спеть — отказываются».

Сестры еще совсем молодыми поняли, какая большая привилегия дарована им свыше, — быть в родстве с талантливым поэтом. Они дорожили этим, не расплескивая, не афишируя, на людях молча гордились своим братом. А дома, встречаясь с ним за родительским столом, не могли наговориться, слушали только его, делясь впечатлениями. Он был в курсе всех девичьих дел, они доверяли ему свои тайны, зная, что только он всегда поймет и, если надо, поможет. И эта привязанность, привитая еще в далеком детстве, давно переросла в безусловную любовь, смешанную с преданностью и восхищением.

\* \* \*

Когда семья в 1944 году вернулась из Караганды в столицу республики, Олжас пошел в другую школу, она располагалась на Илийской (сейчас — улица Маметовой), рядом со старой мечетью. Мальчишка шагал на занятия под призывные песнопения муллы, приглашавшего мусульман совершить намаз.

В четвертом классе основным учителем у них стал Яков Степанович Галай. Он преподавал все — и грамматику, и арифметику, и литературу. Видимо, этот человек обладал каким-то особым педагогическим талантом, раз память о нем Сулейменов пронес через всю свою жизнь. Небольшого роста, широкоплечий, всегда в военной гимнастерке, подпоясанной широким офицерским ремнем. Иногда менял галифе на штатские брюки, но от сапог не отказывался. Потом ребята узнали, что у их педагога образование было «неполное среднее», как тогда говорили. Только семь классов он успел закончить, затем нужда заставила пойти работать на завод. В войну он командовал танковым взводом, дошел до Берлина, был ранен. Учителем стал, можно сказать, по партийному призыву. Тогда выдвинули лозунг: «Будущих солдат должны воспитывать учителя-мужчины!»

## ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ О. О. СУЛЕЙМЕНОВА

- 1936, 18 мая — родился в Алма-Ате в семье красного командира Омархана Сулейменовича Сулейменова и его жены Фатимы Насыржановны. Вскоре его отец был арестован по ложному обвинению и погиб.
- 1942 — мать вторично вышла замуж за известного журналиста Абдуали Карагулова, ставшего Олжасу вторым отцом.
- 1954 — окончил школу, поступил на геологический факультет Казахского государственного университета.
- 1957 — проходил производственную практику в геологической партии на Мангышлаке.
- 1958 — поступил в Литературный институт им. А. М. Горького в Москве.
- 1959, июнь — первая публикация в центральной печати — подборка стихов в «Литературной газете».
- 1960, декабрь — исключен из Литературного института.
- 1961, май — создание поэмы «Земля, поклонись человеку!», получившей премию ЦК комсомола Казахстана.
- Июнь — первая зарубежная поездка в США и Францию.
- Август — выход первой книги стихов «Аргамачи».
- 1961—1966 — Союз писателей Казахстана. Творческая работа.
- 1962 — вышел второй сборник стихов «Солнечные ночи». Опубликованы статьи «Кочевники и Русь» и «Босый волк и напевы готских дев» (К 775-летию «Слова о полку Игореве»).
- 1963 — выход сборника стихов «Ночь-парижанка».
- 1964 — выход сборника стихов «Доброе время восхода», удостоенного в 1967 году премии ЦК ВЛКСМ.
- 1966—1971 — киностудия «Казахфильм», сценарный отдел. Главный редактор сценарно-редакционной коллегии.
- 1966 — автор сценария фильма «Земля отцов».
- 1967 — вышла книга стихов «Год обезьяны».
- 1968 — сборник стихов «Избранная лирика» вышел в московском издательстве «Молодая гвардия».
- Автор сценария фильма «Синий маршрут».
- 1969 — вышла отдельным изданием поэма «Глиняная книга».
- 1971—1980 — секретарь правления Союза писателей Казахстана.
- 1972 — стал председателем казахстанского Комитета по связям с писателями стран Азии и Африки.
- 1973—1991 — член правления Ассоциации писателей стран Азии и Африки, заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.
- 1972 — стал лауреатом Государственной премии Казахской ССР им. Абая за цикл стихов «Эскизы», «Очертанья слова», «Синие острова».

- 1975 — вышел в свет сборник стихов «Круглая звезда» с предисловием Леонида Мартынова в издательстве «Художественная литература», Москва.  
Издана «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя».
- 1976 — вышел сборник стихотворений и поэм «Определение берега» с предисловием Леонида Мартынова.
- 1977 — избран председателем Федерации шахмат Казахстана.
- 1980—1981 — правление Союза кинематографистов Казахстана.  
Первый секретарь правления.
- 1980—1991 — депутат Верховного Совета Казахской ССР, депутат Верховного Совета СССР, народный депутат СССР.
- 1981—1984 — председатель Государственного комитета Казахской ССР по кинематографии.
- 1981, август — награжден орденом «Знак Почета».
- 1984—1992 — первый секретарь правления Союза писателей Казахстана, секретарь правления СП СССР.
- 1984, ноябрь — награжден орденом Трудового Красного Знамени.
- 1986, май — в связи с 50-летием награжден орденом Октябрьской Революции.  
Вышел сборник стихов «Избранное» с предисловием Е. Сидорова, издательство «Художественная литература», Москва.
- 1989, февраль — стал основателем и лидером общественного движения «Невада-Семипалатинск», целью которого было всеобщее прекращение ядерных испытаний.  
Март — специальная комиссия ЦК компартии Казахстана пересмотрела постановление 1975 года, осуждавшее книгу Сулейменова «Аз и Я».  
Июнь — будучи депутатом I Съезда народных депутатов СССР, выступил с трибуны съезда с призывом к прекращению ядерных испытаний.
- 1990 — возглавил в Верховном Совете СССР блок «За безъядерный мир», куда вошло более трети депутатов.  
Присвоено звание «Народный писатель Казахской ССР».
- 1991 — стал лидером партии Национальный конгресс Казахстана.
- 1992 — оставил должность секретаря правления Союза писателей, оставшись почетным председателем этой организации.
- 1995—2001 — работал Чрезвычайным и Полномочным послом Казахстана в Италии, Греции и на Мальте.
- 1998 — издал в Риме книги «Язык письма» и «Улыбка Бога».
- 2001—2013 — работал Постоянным представителем Казахстана в ЮНЕСКО (Париж). Награжден орденом Барыс I-й степени. Издал в Алматы книгу «Пересекающиеся параллели».
- 2002 — издал в Алматы книгу «Тюрки в доистории», за которую был награжден Международной премией им. Кюльтегина «За выдающиеся достижения в области тюркологии».
- 2003 — стал лауреатом Международной премии Турции «За вклад в тюркский мир».

- 2004 — выход в Алматы семитомного собрания сочинений Сулейменова.
- 2006 — в связи с 70-летием награжден орденом Отан.
- 2007 — награжден российским орденом Дружбы.
- 2010 — основал в Алматы Издательский дом «Библиотека Олжаса».
- 2013 — стал лауреатом Государственной премии мира и прогресса Первого Президента Республики Казахстан.
- 2014 — опубликовал книгу «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”», Алматы.  
*По настоящее время* — председатель Федерации творческих союзов Казахстана.
- 2016 — вышло десяти томное собрание сочинений (на русском и казахском языках).  
*Май* — присвоено звание Героя Труда Казахстана с вручением знака особого отличия — Золотая звезда.
- 2017, *ноябрь* — награжден японским Орденом Восходящего солнца.
- 2018, *декабрь* — назначен директором Международного центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО.
- 2019, *сентябрь* — стал Почетным гражданином города Алматы.

*Биография продолжается...*

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> «Мой город во вселенной знаменит тем, что другим его не заменить» . . . . .	5
<i>Глава вторая.</i> «Ребята, судите по мне о казахах» . . . . .	40
<i>Глава третья.</i> «Любые запреты наполнены светом предчувствий» . . . . .	72
<i>Глава четвертая.</i> «Работа поэта — рифмовать не только окончания, но и корни» . . . . .	113
<i>Глава пятая.</i> «Возвысить степь, не унижая горы» . . . . .	150
<i>Глава шестая.</i> «Неведомое счастье — подняться в рост» . . .	241
<i>Глава седьмая.</i> «Творить можно только в мирной, спокойной стране» . . . . .	296
<i>Глава восьмая.</i> «Я борюсь не за место не в зале, а за трибуну» . . . . .	345
<i>Глава девятая.</i> «У поэта есть право молчать, но есть долг — сказать» . . . . .	388
<i>Глава десятая.</i> «Днем работаю на страну, ночью — на человечество» . . . . .	422
Основные даты жизни и деятельности О. О. Сулейменова . .	470
Библиография . . . . .	473



**Снегирев В. Н.**

С 53 Олжас Сулейменов / Владимир Снегирев. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 488[8] с.: ил. — (ЖЗЛ: Биография продолжается...: сер. биогр.; вып. 42).

**ISBN 978-5-235-04413-5**

Еще в студенческие годы Олжас Сулейменов — казахский поэт, пишущий на русском языке, — как степной вихрь, ворвался в советскую литературу, обогатив ее новыми образами и темами. Позже он стал известен еще и как автор смелых, хоть и спорных идей о взаимоотношениях Руси и Степи, русской и тюркской культуры, и как общественный деятель, выступивший в годы перестройки за прекращение ядерных испытаний в Казахстане и ставший одним из самых авторитетных политиков молодой республики. О жизни Олжаса Омаровича, полной драматических поворотов, творческих достижений, общения с выдающимися современниками, рассказывает его первая биография, написанная известным журналистом Владимиром Снегиревым.

**УДК 821.512.122.0(092)**

**ББК 83.3(4Каз)-8.2**

знак информационной  
продукции

**16+**

**Снегирев Владимир Николаевич**

**ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ**

Редактор **В. В. Эрлихман**

Художественный редактор **А. С. Козаченко**

Технический редактор **М. П. Качурина**

Корректор **Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 18.08.2020. Подписано в печать 31.08.2020. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 26,04+1,68 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: [dssel@gvardiya.ru](mailto:dssel@gvardiya.ru)

Отпечатано с готовых файлов заказчика  
в АО «Первая Образцовая типография»,  
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»  
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**ISBN 978-5-235-04413-5**